

# **В. И. ПИЧЕТА О ХАРАКТЕРЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НА ИРИ РАН)**

**Л. В. Ландина**

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,  
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail.ru*

В центре внимания автора — научная интерпретация В. И. Пичетой динамики развития и характеристик государственных институтов России XVI–XVIII вв., высказанная во время дискуссии, прошедшей в апреле 1946 г. в Институте истории АН СССР. Материалы, представленные в Научном архиве Института российской истории РАН, не только выступают ярким историографическим свидетельством. Они демонстрируют также всю сложность и вариативность в трактовках российской государственности, имевших место при формировании советского историографического канона. Принимая участие в дискуссии, В. И. Пичета не только предложил своё видение проблем российской государственности, но и собственную периодизацию истории России.

**Ключевые слова:** советская историография; В. И. Пичета; российские государственные институты; сословно-представительная монархия; самодержавие; абсолютизм; централизованное государство.

## **V. I. PICHETA ON THE NATURE OF RUSSIAN STATEHOOD OF EARLY MODERN TIMES (BASED ON MATERIALS FROM SA IRH RAS)**

**L. V. Landina**

*Belarusian State University of Culture and Arts,  
17 Rabkorovskaya St., 220007 Minsk, Belarus, larisa-hist@mail.ru*

The author's focus is on the scientific interpretation by V. I. Picheta of the dynamics of development and characteristics of state institutions of Russia of the 16<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries, expressed during a discussion held in April 1946 at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. The discussion materials presented in the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences not only act as vivid historiographic evidence. They also demonstrate all the complexity and variability in the interpretations of Russian statehood that took place during the formation of the Soviet historiographic canon. Taking part in the discussion, V. I. Picheta not only offered his vision of the problems of Russian statehood, but also his own periodization of the history of Russia.

**Keywords:** Soviet historiography; V. I. Picheta; Russian state institutions; estate-representative monarchy; autocracy; absolutism; centralized state.

Формирование советского историографического канона прошло ряд этапов, среди которых выход в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» стал рубежным событием. В четвертой главе «Краткого курса» популярно излагался диалектический и исторический материализм и указывалось

на прогрессивное развитие человеческого общества путем смены пяти социально-экономических формаций. «Пятичленка», известная каждому советскому историку, обрела окончательную форму: «Истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический» [2, с. 119]. Слово «основных» было включено в эту формулировку не случайно — таким образом оставлялся простор для методологического маневра. Однако теоретическая схема при столкновении с историческими фактами ставила перед советскими историками ряд трудноразрешимых вопросов. Дискуссии о феодализме, крепостничестве, абсолютизме, характере древневосточных обществ, «азиатском способе производства», переходе от феодализма к капитализму и т. д. выступают одной из характернейших черт советской исторической науки.

Особенно сложными были обсуждения государственных форм раннего Нового времени — абсолютизма, самодержавия, сословно-представительной монархии, централизованного государства. Переходный период от феодализма к капитализму, наличие различных классов, отсутствие достаточной доказательной базы — все это изначально задавало условия, невозможные для однозначных трактовок. Однако этим проблематичность дискуссий не исчерпывалась. Считалось, что любое государство выражает интересы *одного* (курсив мой — Л. Л.) господствующего класса. Если оно рабовладельческое, то выражает интересы рабовладельцев (вопрос о том, кто именно под ними понимался, тогда, очевидно, предпочитали не заострять), феодальное государство выражает интересы феодалов-землевладельцев (с течением времени к господствующему классу был причислен и городской патрициат с верхушкой купечества), капиталистический — буржуазии (что бы ни понималось под этим термином). Однако была государственная форма, вызывавшая бесконечные дискуссии (последняя из них прошла в 1968–1972 гг.) — абсолютизм.

Абсолютизм, или абсолютная монархия — в терминологии марксизма политическая надстройка позднего феодализма, когда в недрах последнего формируются капиталистические отношения. И если на вопрос о том, когда сословно-представительная монархия перерастает в абсолютную еще можно было ответить, исходя из частоты созыва и значимости сословно-представительных учреждений, то определение классовой сущности абсолютной монархии превращалось в трудноразрешимую задачу. С одной стороны, согласно утверждениям классиков марксизма, абсолютизм признавался политической надстройкой переходного периода, когда монархия, политически опираясь на дворянство, должна была учитывать интересы буржуазии как источника финансовых средств и кадров

чиновничества. Однако признать абсолютизм «двухклассным» государством, учитывающим интересы обоих классов, было категорически запрещено. В этом усматривалась идея «надклассовой монархии» как арбитра социальных сил, изначально неприемлемая для советских историков и напоминавшая о концепциях дореволюционных историков и лидеров европейской социал-демократии. Еще одним, весьма немаловажным фактором в трактовке абсолютизма стала унификация в трактовках западноевропейского и российского абсолютизма. В результате обсуждений и дискуссий, прошедших в Институте истории Академии наук СССР весной 1940 г., обрела окончательное оформление концепция «равновесия», и абсолютизм был признан феодальным дворянским государством, вынужденным учитывать и интересы буржуазии. Применительно в Западной Европе этот тезис оставался непоколебимым до конца 1980-х гг. [3, с. 325].

Однако изучение российских государственных институтов вызывало новые вопросы. Когда возник российский абсолютизм? Каково соотношение понятий «централизованное государство», «сословно-представительная монархия», «самодержавие», «абсолютизм»? Апогей дискуссий по указанной проблематике пришелся на послевоенные годы. Наиболее острые обсуждения проходили в Институте истории АН СССР на заседаниях сектора истории России до XIX в. 4 и 11 апреля 1946 г.

Нужно отметить, что изучением государственных институтов России занимались собственно историки-медиевисты и историки государства и права, в частности, С. В. Юшков и С. А. Покровский. Именно историки-правоведы признавали в России сословно-представительную монархию, проводя аналогию с Западной Европой. Однако среди историков, занимавшихся российским феодализмом, такой подход в итоге не прижился. Наиболее жестко высказалась по этому поводу П. К. Алефиренко, занимавшаяся классовой борьбой крестьян в XVIII в. На заседании 11 апреля 1946 г. она указала, что не следует преувеличивать роль Земских соборов. Были ли они настолько представительными? Так ли они нужны, если монарх чувствует себя уверенно? Алефиренко увидела в признании важности Земских соборов славянофильскую идею «единения царя с народом». «Поэтому, — ответила она одному из своих коллег, — «когда Вы предлагаете хронологию монархии XVI–XVII веков, исходя из Земских соборов, Вы придаете Земскому собору славянофильскую трактовку, именно эту идеализацию Земских соборов и идеализацию монархии» [5, л. 127, 127 об.].

Монархию, предшествовавшую абсолютизму, советские историки называли и феодальной, и централизованной, и сословно-представительной, смешивая форму правления, государственного устройства и

социальные признаки. Не случайно правовед С. В. Юшков указывал на некорректность такого подхода и определял монархию XVI–XVII вв. именно как сословно-представительную.

В этом с С. В. Юшковым, с некоторыми оговорками, был солидарен и В. И. Пичета. Так, на заседании 4 апреля 1946 г. он высказался следующим образом в поддержку своих коллег К. В. Базилевича и С. В. Юшкова, отстаивающих тезис о сословно-представительной монархии: «Я также должен присоединиться к вашей точке зрения относительно сословно-представительной монархии в XVII веке... которая выросла не в недрах царствования Ивана IV, а в недрах крестьянской войны и польской интервенции, как результат с одной стороны... новой власти, которая была избрана Земским собором, а с другой стороны — того огромного значения в смысле увеличения класса землевладельцев в результате Смутного времени» [4, л. 83–84].

Говоря о социальной трансформации этого периода, В. И. Пичета отмечает, что «в недрах этой сословно-представительной монархии происходят весьма глубокие изменения, хотя бы внутри служилого класса, ибо если старая аристократия сошла со сцены, на ее место выступает уже дворянство, как главная опора новой власти уже при Иване IV» [4, л. 85]. О юридических ограничениях власти царя, отмечал Пичета, «не может быть и речи... как в Испании в период кортесов и во Франции в период Генеральных Штатов» [4, л. 85].

Гранью между сословно-представительной монархией и формированием абсолютизма В. И. Пичета считает 1686 г., когда был созван последний Земский собор по поводу войны с Польшей. Таким образом, в трактовке В. И. Пичеты соединился и правовой, и классово-социологический подход. Дальнейшее развитие государственных институтов России В. И. Пичета представлял следующим образом: «Конечно, в недрах этого сословно-представительного строя рождается абсолютная монархия, и усиление царской власти связано с полным согласием того же самого господствующего сословия. Почему? Да потому, что страна была потрясена, во-первых, городскими движениями, во-вторых, крестьянскими движениями, которые продолжались и после окончания восстания Степана Разина... Следовательно, класс феодалов и купечества были заинтересованы в подавлении крестьянских движений, были заинтересованы в подавлении движения городской нищеты... И эти социально-классовые [противоречия] дают основание к тому, чтобы, во-первых, перестать созывать Земские соборы, опираться в провинции на централизованную воеводскую власть, создавать свои централизованные учреждения. И далее уже были попытки создания регулярной армии...

Поэтому я считаю, что в недрах сословно-представительной монархии происходит рождение абсолютной монархии. Но это не есть еще абсолютная монархия. Абсолютная монархия — я полностью присоединяюсь тут к С. В. [Юшкову], родилась окончательно при Петре.

[К этому нужно добавить] теоретическую базу, которой в XVII в. еще не существовало, и мануфактуры... И когда Ленин называет монархию Петра I дворянско-чиновничьей монархией, то это есть совершенно правильное и точное определение той абсолютной монархии, которая сложилась при Петре I...

Но я с Вами согласен, что без организации центральной администрации, без организации провинциальной администрации, без организации регулярных войсковых частей абсолютная монархия не может быть. Она опирается на эти три кита. Но эти три кита выступают на историческую арену только во второй половине XVII в., только при Петре они получают юридическое оформление» [4, л. 87].

Таким образом, трактовка В. И. Пичетой динамики развития государственных институтов России примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, она отвечала духу времени наличием социологической составляющей, классового подхода, а также обращением к работам Ленина. С другой — очевидно характерное для специалистов по истории России присутствие правового подхода и корреляция развития сословно-представительной монархии и формирования абсолютизма с созывами Земских соборов, идеологическим обоснованием абсолютной монархии, формированием регулярной армии, центральной и провинциальной администрации. Центральное управление, провинциальная администрация и армия — эти «три кита» В. И. Пичеты выступали обязательными атрибутами абсолютизма. Наконец, идея о сословно-представительной монархии выглядела весьма органично в концепции В. И. Пичеты, к тому же он соотносил историю российских и западноевропейских политических институтов.

Однако в те годы идея о признании сословно-представительной монархии в России была отвергнута и сохранилась только применительно к западноевропейскому Средневековью и в истории государства и права. Напрасно С. В. Юшков взывал к своим коллегам в декабре 1947 г. при обсуждении учебника по истории СССР и убеждал их, что до наступления абсолютизма «у нас какой-то промежуток времени в истории государства должен быть... Сама власть монарха, в данном случае царя, перестраивается. Боярская дума усиливается, изменяется ее влияние, дальше создается бюрократическая система, на местах изменяется система управления. И если вы будете это понятие исключать из учебника, то у вас не будет ясности представления, как изменялся весь аппарат. Что сделали авторы?

Опять у нас фигурирует феодальная монархия. Товарищи, давайте как-то считаться все же с данными других наук! Когда говорят „феодальная монархия“, мы, юристы, улыбаемся. Почему? Да очень просто почему! Что такое феодальное? Это указание на социальные отношения, социальное положение... Это понятие настолько расплывчатое, оно настолько не определяет сущности, что это понятие феодальной монархии, само собой разумеется, надо из учебника убрать совершенно. Я не знаю, почему оно до сих пор фигурирует» [1, л. 47–48].

Установившаяся в то время историографическая традиция в известной мере сохранилась и ныне. Так, до сих пор применительно к XV в. говорят о Русском централизованном государстве, в XVI в. на арену выступает самодержавие, с середины XVII в. формируется абсолютизм, который получает утверждение при Петре I. Что же касается тезиса о сословно-представительной монархии в России, то его появление в научном дискурсе будет приурочено к новым идеям эпохи «оттепели».

### **Библиографические ссылки**

1. Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 164.
2. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : одобрен ЦК ВКП(б) 1938 г. : краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] : Госполитиздат, 1938.
3. *Ландина Л. В.* Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX–начале XXI в. / под науч. ред. В. С. Кошелева. Минск: Энциклопедикс, 2020.
4. Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 321. Т. 1.
5. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.